

Мария
Аверина

*Халва
в шоколаде*

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А19

Ответственный редактор *А. Цыганкова*

Оформление серии *А. Гаретова*

Аверина, Мария Александровна.
А19 Халва в шоколаде : роман / Мария Аверина. —
Москва : Эксмо, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-235551-6

Москва 1990-х: дворы с качелями, типовые школы, продлёнка и телевизор, который можно смотреть только украдкой. В этом мире живёт семилетняя Маша — упрямая, фантазийная и немного «неудобная» для взрослых. Она ещё не знает, как правильно, зато точно знает, как по-настоящему: верить, бояться, придумывать и отчаянно хотеть быть хорошей.

Маша идёт в первый класс и сначала отчаянно пытается стать «правильной» — заслужить пятёрку, не опозориться перед классом, не расстроить бабушку и не выдать свои маленькие хитрости. Но чем сильнее она старается контролировать жизнь, тем чаще выбирает короткие пути: прячет, выкручивается, делает вид, что всё под контролем, и расплачивается за это унижениями, тревогой и маленькими личными трагедиями. Каждое желание оказывается с ценой, а привычный мир через детские глаза превращается в приключение, где обычные вещи — школа, тайники, столовая — обретают магию и значимость.

«Халва в шоколаде» — это тёплый и пронзительный роман о детстве, ностальгии и первых уроках ответственности. Уникальный голос ребёнка, искренние страхи и фантазии создают эффект «это было у меня», а литературный язык делает чтение лёгким, но оставляет сильное послевкусие. Смех, тревога и умный уют переплетаются в истории, которую невозможно забыть.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235551-6 © Аверина М., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Посвящается
Людмиле Борисовне Панишиной,
моей дорогой бабушке*

Каждый ребенок рождается божеством.
А потом опускается до человека.
Симона де Бовуар

*Все персонажи вымышлены.
Любое совпадение имен и событий
с реальными биографиями
является случайностью.*

ЧАСТЬ I

Глава 1

Во дворе одного из московских спальных районов стояли качели.

На качелях, поживаясь от предосеннего холодка, забирающегося по шее под ветровку, сидела девочка.

Девочку звали Машей.

Девочке было семь лет, и она ждала Бабушку.

Скри-и-ип-вжик! Скри-и-ип-вжик!

Утро было совсем ранним. Таким ранним, что Маша, мерно покачиваясь на качелях, практически спала. Этим утром начинался для Маши тот предпоследний, совершенно бессмысленный день перед проклятым Первым сентября, который они с Бабушкой опять потратят черт знает на что.

«Черт знает что» — а именно так все это назвала Машина Тетя — выразалось в каком-то феноменальном, ничем не объяснимом упрямстве Бабушки: «Маша должна пойти в школу непременно в форме».

— Нет, ну это просто черт знает что! — именно так и воскликнула Тетя несколько дней назад, когда после Машиного дня рождения пришла в гости к Бабушке. — Мама, не чуди! Все дети давно ходят в школу в чем хотят. И уж тем более не в коричневых

платьях с черными фартуками. Не делай из ребенка посмешище!

— Дети ходят в школу учиться, а не одежды модные показывать, — упрямилась Бабушка. — Ничто не должно отвлекать ребенка от учебы! Раз можно ходить в школу в чем угодно, то конкретно Маша будет ходить в нормальной девичьей форме. А остальные могут хоть на уши встать!

— Мама... Если ты так хочешь форму, купи ей ту, в которой мы школу оканчивали, — уговаривала Бабушку заметно пополневшая, вся какая-то округлившаяся и все время чему-то улыбающаяся Тетя. — Помнишь синюю? Пиджачок с юбочкой. И жилетка. У тебя разве моя форма не сохранилась? Я носила ее очень аккуратно, она должна быть в хорошем состоянии. Ты же умеешь — перешей ее. Машка все же больше на человека похожа будет!

С осознанием верно найденного решения Тетя удовлетворенно откинулась на спинку стула (Маша давно заметила, что ей почему-то тяжело было сидеть прямо), поднесла чашку к губам и, откусив конфетку, вкусно отхлебнула горячего чая. Глаза ее затуманились, в них появилось какое-то отсутствующее, мечтательное выражение, словно Тетя и не сидела сейчас на Бабушкиной кухне и не спорила с Бабушкой.

Бабушка же в ответ яростно просверлила Тетю взглядом.

— Во-первых, ты говоришь про старшеклассниц. Ты забыла, что младшие тогда так и ходили в коричневых платьях с фартуками? Во-вторых, твою форму я давно отдала соседкиной дочке. А в-третьих! Ты что,

Машу не знаешь? С ее подвижностью на ней должен быть скафандр! Она в первый же день потеряет пиджачок, рубашка вечно будет выбиваться из юбки...

— Ты сама себе противоречишь! — победно воскликнула Тетя, мгновенно вынырнув из каких-то своих далеких далей. — Зачем тогда рядить ее в платье?

— Потому что она девочка, которая идет в школу учиться, а не развлекаться!

— Господи! — всплеснула руками Тетя. — Ты на нее еще юбку до пят напяль! Ну зачем ей создавать проблемы с одноклассниками?! Над ней же будут смеяться! Все дети как дети, а она... как не знаю кто...

— Значит, будет учиться отстаивать свое право на то, чтобы быть не такой, как все!

И Бабушка сурово и решительно сдвинула брови к переносице.

И так же сурово и решительно она тратила последние Машины — такие желанные! — свободные перед неизведанной школой дни на то, чтобы мотаться по всей огромной Москве в поисках этого самого «черт знает что» — какого-то коричневого платица с фартуком.

Ради этого она даже взяла на работе отгулы за свой счет!

И вот теперь каждый день вставали они с Бабушкой совсем рано, гораздо раньше, чем обычно, когда Бабушка работала, а Маша ходила в детский сад. Так рано, что даже черный, прожорливый, при любом движении Бабушки бегущий к своей миске котенок Филя, названный в честь не менее капризного и стервозного пуделька соседки с первого этажа Нины Ивановны,

изумлялся. Он приподнимал голову, сонно жмурил зеленые глаза-блюдца, несоразмерно огромные для его маленькой мордочки, зевал во всю свою розовую пасть и, перевернувшись на другой бок, снова растекался жидким гудронным пятном по белому Бабушкиному пододеяльнику. И ужасно обижался, когда Бабушка, торопясь, стряхивала его на пол, застилая свою постель плотным сиреневым покрывалом. Дождавшись, когда она закончит взмахивать огромным полотном, он аккуратно чесал задней лапой свою крохотную мордочку, еще раз зевал и с независимо-гордым видом снова вспрыгивал на кровать. «С ума вы все посходили, вот что!» — было написано на его спине, когда он демонстративно отворачивался от Бабушки и Маши, метавшихся по комнате.

Совершенно сонный пес Бим выползал из-под Бабушкиной кровати только после настоятельных и требовательных криков: «Бим, гулять! Ты идешь или нет?» Он тоже широко зевал и виновато подслеповато помигивал глазами: гулять, в такую рань? Но, впрочем, покорно цокал когтями по полу, неохотно идя за Бабушкой в коридор, чтобы надеть ошейник и поводок. Кто знает этих хозяев, когда теперь они заявятся и снова выведут на улицу, раз весь привычный ритм жизни так беспощадно поломан?

Не нравилось все это и Маше, но кто же ее спрашивал! В эти последние дни перед неизведанной новой жизнью под названием «школа» ей хотелось бы просыпаться попозже, неспешно играть с котенком Филей, а после Бабушкиного кофе гулять в начавшем уже желтеть лесу, носиться наперегонки с Би-

мом между деревьями. А потом спокойно смотреть мультики, собирая на полу перед телевизором домики и машины из конструктора, подаренного недавно Бабушкиной подругой Тетей Тамарой. Тем более что было у Маши на уме еще одно важное дело, которое она из-за всей этой суматохи никак не могла «провернуть».

Но, невзирая на то, что таинственную «форму» невозможно было найти ни в одном магазине, где торговали детской одеждой, Бабушку было не остановить.

— Ребенок пойдет в школу как положено! — сурово говорила она вечерами за ужином охавшей на разные лады Зинаиде Степановне. — В конце концов, школа — это ее будущее!

И потому снова и снова, почти затемно, звенел в Бабушкиной комнате требовательный набат будильника.

— Маша, умывайся, твой творог и чай на столе, я вернусь с Бимом, чтобы ты уже была одета! — командовала она и пулей вылетала из квартиры, таща за собой еще не успевшего толком проснуться и захотеть гулять пса.

Маша неспешно ковыряла в тарелке, с тоской думая о том, что она не понимает, зачем они с Бабушкой убивают дни на поиск того, что сделает ее, Машу, в глазах будущих одноклассников «какой-то не такой». От одной мысли, что придется в этой «форме» идти туда, где «все дети как дети, а она как незнамо что», она не хотела уже никакого ранца, никаких новых, свежешкупленных тетрадей, цветных ручек и карандашей (которые, впрочем, лежат в Бабушкином столе под зам-

ком, сильно будоражили ее воображение). Она теперь была согласна даже на детский сад, где давно все и всех знала и где можно ходить в любимых шортах и разноцветных носочках. Ради этого она и манную кашу бы теперь потерпела.

Однако почему-то ни назад в детский сад, ни поиграть в игрушки, ни гулять с Бабушкой в парке теперь было нельзя.

— Ты еще не одета? — кричала, влетая в квартиру, Бабушка.

И Бим, отстегнутый с поводка, не бежал пить, как он это делал всегда после прогулки, а скорее убирался под Машину кровать, что называется, от греха подальше — ему тоже не очень нравилось решительное настроение, в котором пребывала все эти дни Бабушка.

Пока Маша нехотя натягивала штаны, футболку, выбирала, какие бы носочки сегодня надеть, Бабушка склонялась над своим письменным столом, шевеля губами над списком необходимых покупок.

— Сменная обувь — есть. Мешок для сменки — есть. Касса букв и цифр, — бормотала она, — есть. Счетные палочки, пластилин — есть. Десять тетрадей в крупную клетку — есть. Карандаши, краски, кисти, альбом — есть. Набор цветных ручек — есть. Цветная бумага... Не та, что просили, но есть... потом найду ту. Первые дни как-нибудь. Так... Пропись — уже... А... Вот... простые карандаши и резинка. И пенал — вот! Я, конечно же, забыла...

И, застегивая на Маше легкую ветровку — конец августа в Москве в тот год был нежарким, — Бабушка командовала:

— Маша, запомни! Простые карандаши, ластик, пенал. Три вещи. Три. Запомнила?

Маша послушно кивала, но мысли ее в этот момент были совершенно о другом, и она пропускала мимо ушей все, что ей говорила Бабушка.

Дни шли, а этого самого «черт знает что» ни в одном детском магазине Москвы все еще не находилось. Бабушка заметно нервничала, отчего в доме все буквально звенело, падало, ломалось и разбивалось.

Глава 2

«Скри-и-ип-вжик! Скри-и-ип-вжик!» — кряхтели качели.

Наверное, на свете не существует качелей, которые бы не скрипели. По крайней мере, Маше такие еще не попадались. Обычно эти звуки портили ей все удовольствие от раскачивания, поскольку рядом всегда стояла Бабушка и все время приговаривала: «Маша, слезай! Качели скрипят. Они, значит, плохо прикреплены, и ты можешь упасть». Но сегодня чуть ли не впервые в жизни Маша на качелях оказалась одна, без Бабушки. И потому их мерные стоны были очень кстати: они не давали ей, то и дело клюющей носом, окончательно заснуть и действительно свалиться с шаткой перекладины, расквасив нос.

Очередной забег за школьной формой окончательно расстраивал все Машины планы. А ей так хотелось достать-таки все те сокровища, которые по утрам перечисляла Бабушка, те самые, которые куплены именно ей, Маше, но зачем-то спрятаны в Бабушкин пись-

менный стол под замок. Ведь она только подержала их в руках — в тот момент, когда Бабушка приносила их домой! Ни рассмотреть, ни тем более порисовать или полепить, поперебирать чудесные палочки в прозрачном пакетице Маше не довелось, и это ее смертельно обижало: зачем было покупать то, чем нельзя пользоваться? Зачем дразнить, дав их увидеть — такие чистенькие, новенькие, хрустящие тетрадки, пахнущие свежей типографской краской прописи, — и тут же безжалостно забрать со словами: «Сейчас я тебе все это не отдам. Это специально для школы, и я буду выдавать их тебе по мере необходимости». И что самое досадное! — запретить на ключ!

Словом, пластилин шести цветов, цветная бумага и, главное, новенькие краски, цветные ручки, карандаши и пачка тетрадей в прекрасную, крупную, такую удобную для рисования клетку вот уже несколько дней не давали ей покоя.

Куда спрятан ключик от письменного стола, Маша подглядела давно, буквально на второй день, когда, вернувшись из магазина, Бабушка в очередной раз выгрузила в ящик новые школьные приобретения. Он хранился в кармане одного из Бабушкиных жакетов в платяном шкафу.

Правда, в каком, Маша определила не сразу. Через щелочку в двери Бабушкиной комнаты (а Машу как раз отправили мыть руки, и она честно дошла до ванной, честно открыла посильнее кран, чтобы шум воды успокоил взрослых и скрыл то, что она на цыпочках вернулась назад) видно было только, как Бабушка повернула ключик в замке стола, направилась к платяному шкафу

и открыла именно ту створку, где на плечиках висели ее старая шуба, блузки, юбки и платья. Но главное — направление поисков — было понятно! Остальное, как говорится, дело техники.

Как раз когда Маша «помыла руки», Бабушка уже пошла на кухню готовить ужин и кормить Бима с Филей. И пока она возилась, Маша осторожно обшарила все карманы. И точно! В нарядном Бабушкином «выходном» трикотажном жакете нашла заветный ключик. Но все же никак не представлялось удобного случая достать-таки томящиеся под замком сокровища, чтобы насладиться ими сполна. Ибо каждый божий день Маша с Бабушкой носились по городу в поисках этого самого «черт знает что». И каждый божий день приближал Машу к этому неведомому и пугающему «пойдешь в школу». Маша даже не представляла себе, сможет ли она *после* воспользоваться ключиком и достать все то, что лежало в Бабушкином письменном столе.

До этого страшного «пойдешь в школу» оставалось всего два дня! Но, как назло, опять они куда-то едут и, вероятнее всего, опять до самого вечера!

Скри-и-ип-вжик! Скри-и-ип-вжик!

Маша с тоской оглянулась на двери, из которых вот-вот должна была выскочить завозившаяся с чем-то в квартире Бабушка.

— Жди меня у подъезда, только не вздумай никуда уходить! — мечущаяся в сборах Бабушка, видя, как ключущая носом Маша в ветровке и джинсах снова моет на свою уже застеленную кровать, вытолкнула ее из квартиры.

— Я через пять минут выскочу!

— Я буду на качелях!

Бабушка на секунду застыла, видимо, прикинув опасную перспективу этого обещания, но тут же махнула рукой:

— Хорошо! Ничего не успеет случиться. Я скоро.

И закрыла перед Машиным носом входную дверь.

Скри-и-ип-вжик! Скри-и-ип-вжик!

Маша широко зевнула, поежилась — несентиментальная августовская утренняя прохлада мешала мерному качельному укачиванию — и подумала, что хорошо бы в автобусе до метро кто-нибудь уступил место: можно будет в тепле немножко доспать.

И тут торпедой, пущенной к цели, из подъездной двери вылетела Бабушка и помчалась к выходу из двора, на ходу помахивая рукой, чтобы Маша ее догоняла.

Маша нехотя слезла с качелей.

— Быстрее, быстрее!

Бабушка уже была в проеме между двумя домами, выводившем на улицу, и Маше пришлось перейти на мелкую тропку.

Бабушка крепко прихватила Машину руку, и, как каждое утро этих последних пяти дней, они выскочили на августовскую улицу, только еще начинавшую оживать после ночи.

— Бабуль, а зачем мы едем в магазин так рано? — захныкала не поспевающая Маша.

— Потому что очереди!

— А почему очереди?

— Потому что все собирают своих детей в школу!

Эта суета с покупками изумляла и пугала Машу уже просто потому, что ни один детский сад не требовал столько жертв, стараний и таких трат! Интуитивно она чувствовала, что это все не просто так, что все это ее к чему-то обязывает — и потому было особенно страшно.

— Бабуль, — осторожно спросила Маша, когда они на рысках шли через улицу к автобусной остановке. — А зачем мне нужно идти в школу? Давай я обратно в детский сад пойду? Я буду хорошо себя вести, обещаю...

— Ну, во-первых, — сказала задыхающаяся от бега Бабушка, — твое «обещаю» в твоей голове долго не держится. А во-вторых, тебе исполнилось семь лет. Никакой детский сад тебя больше не возьмет. В семь лет все дети идут в школу.

Неизбежность и неотвратимость этой участи «для всех» еще больше угнетала Машу.

— Бабуль... А что мне делать в этой школе? Я же не знаю.

— Тебе все скажут, — запихивая Машу перед собой в автобус, пыхла Бабушка. — Никто не знает, все приходят, всем все говорят. Главное — внимательно слушать учительницу и делать все, что она просит.

Но Машу это не успокаивало. Напротив. А вдруг она не расслышит, что скажет учительница? И сделает что-то не так?

— Бабуль... А если я не буду внимательно слушать учительницу и сделаю что-то не так? Что будет?

— Тебе поставят двойку. И будешь ты двоечница. И все будут над тобой смеяться.